

знак неудачного перехода, или приветствуют в качестве альтернативы неолиберализму. Однако, как показала на своем материале исследовательница, не все обращения к прошлому могут быть охарактеризованы как ностальгические.

Конференция завершилась кратким выступлением председателя оргкомитета, в котором были подведены итоги работы.

© Ю. А. Секушина

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-258-260

### НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЖИТИЙНЫЕ ТОПОСЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

15 июня 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась конференция, посвященная 60-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Александра Валерьевича Пигина. Связь ученого с Институтом была заложена еще в студенческие годы, ныне же он является сотрудником Отдела древнерусской литературы. Научные интересы юбиляра затрагивают различные проблемы изучения русской средневековой книжности и рукописного наследия Русского Севера. В числе прочего, немалое внимание уделено Пигиным агиографическим текстам, посвященным преподобным Александру Ошевенскому, Диодору Юрьегорскому, Пахомию Кенскому, Александру Свирскому. Потому тематика прозвучавших на конференции докладов содержала аллюзии на известные топосы житий святых, а их очередность была выстроена в соответствии с композиционной схемой житийного текста: от детства к ученичеству, странствиям среди мест темных и непроходных, поискам места для подвизания, подвигу и прославлению.

Первым прозвучал доклад В. В. Головина (Санкт-Петербург) «Недревнерусское пение и музицирование в „Тимуре и его команде“ Аркадия Гайдара». Певческо-музыкальные сюжеты занимают примерно пятую часть повести. Три таких эпизода наиболее показательны: это сцены исполнения Симой Симаковым песни с подтанцовкой, музицирования и пения Ольги, а также оперные репетиции Георгия Гараева. Выступавший заострил внимание на литературных параллелях данных сюжетов и их смысловой нагрузке в произведении. Так, музыкально-ритмическое действо Симы Симакова является парафразом хорошо узнаваемой частушки «под драку», содержащим отрицательную частицу «не» и тем самым противопоставляющим его хулиганской субкультуре. Воткнув палку в землю и начав приплясывать, Сима тем самым имитирует ритуальное исполнение танца перед дракой. Его образ органичен и лишен авторской иронии. Иначе выстроены музыкальные сцены в исполнении взрослых. Пение Ольги и Георгия Гараева выдает их не-

притязательный музыкальный вкус. Исполненные Ольгой куплеты хотя и выказывают зависимость от текстов популярных в 1939 году романсов, однако содержат следы новин, что в конечном счете приводит к утрате романсового качества и делает ее песни содержательно и поэтически несовершенными. Ария больного старика в исполнении Гараева вторична по отношению к ряду известных музыкальных произведений: в ней видны идейные и текстуальные заимствования из оперных арий Шакловитого и князя Игоря, а также пародия на образы мельника из оперы «Русалка» и юродивого из оперы «Борис Годунов». Взрослые в повести Гайдара исполняют плохие песни, считая это важным делом, и в то же время критикуют детей; тогда как именно дети занимаются настоящим делом — живут подлинной, а не «спенической» жизнью. Таким образом, авторская ирония над музицированием взрослых и серьезное отношение к пению детей являются значимыми для смыслового понимания гайдаровской повести.

Тему детства продолжила А. М. Грачева (Санкт-Петербург) в докладе «О необычайных приключениях вождей Пантеры, Сержанта и их друзей в горах Луизина, лесах Сидонии и в американских прериях: детская проза академика С. Ф. Платонова». Предмет ее изучения — раннее художественное творчество гимназиста Сергея Платонова, а именно т. н. «луизинский цикл» 1873–1875 годов, отложившийся в архиве ученого (РНБ. Ф. 585). Эта группа произведений стала материальным воплощением того виртуального игрового пространства, которое создали Сергей Платонов и четверо его друзей во время ежегодных летних каникул в предместье Петергофа, деревне Луизино. В центре выстроенной по образцу книг Майн Рида ойкумены находилось государство-утопия Луизино. Относящиеся к его жизни сюжеты — будь то экспедиции в неисследованные земли или же противостояние с соседней державой Сидонией — нашли отражение на страницах литературно-политической рукописной газеты «Луизинский вестник», выпускавшейся Сергеем Платоновым и его товарищами. Плато-

нов, носивший в игровой вселенной прозвание Сержанта, был наиболее активным издателем «Вестника» и курировал в нем литературный раздел. Уже в этих его произведениях — своеобразной исторической хронике Луизина — видна отчетливая попытка художественного отображения прошедших событий, столь характерного для позднейших научных трудов историка. В «луизинских» текстах Платонова силен нравственный императив, выраженный в заветах юношеского братства. Это чувство высокой нравственности Платонов пронес через всю свою жизнь. Неслучайно, последнее обращение ученого к «луизинскому циклу» произошло в трудный для него период следствия по сфабрикованному «Академическому делу», в начале 1930-х годов.

Доклад А. Б. Беловой (Санкт-Петербург) «Средневековые очки и что с ними делать» касался различных аспектов бытования очков в России XVI–XVII веков. Этот предмет, известный также под именем «очей наемных» и «околяров», был распространен среди жителей страны. Об этом свидетельствуют частые упоминания очков в таможенных книгах и их массовые закупки в Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри. Очки были дешевы, а следовательно, доступны для широких кругов. Их внешний вид и качество отличались разнообразием: это касалось как материалов оправы (кость, кожа, сталь, медь, драгоценные металлы), так и линз (не только бесцветных, но и зеленых), и конструкции — на что указывает наличие складных очков XVII века в собраниях Музеев Московского Кремля и Государственного исторического музея. Иной раз очки могли принимать форму игрушки с гранеными стеклами — такая диковинка была куплена в 1614 году для юного царя Михаила Романова. Способы хранения очков также могли варьироваться. Обычно для этого использовались футляры: от простых деревянных до богато украшенных серебряных. В России, как и в современной ей Европе, была распространена практика хранения очков в книгах и употребления их в качестве книжных закладок. Свидетельством тому могут служить многочисленные отпечатки очков на листах русских рукописей XVI–XVII веков. Очки, как и любой оптический прибор, требовали ухода. А потому с их появлением в среде русских книжников возникают и тексты-рекомендации, такие как статья сборника (ГИМ. Щукинское собр. № 795) о протирке очков пеплом «березовой губы».

В докладе Л. В. Соколовой (Санкт-Петербург) «Загадочная „темнота“ „Слова о полку Игореве“» оказалась затронута проблема т. н. «темных мест». Сложность их прочтения, как правило, связывают с испорченностью текста «Слова» переписчиками и/или первыми издателями. Тем не менее главная его трудность, по замечанию Р. О. Якобсона, «лежит отнюдь не в лексике и не в грамматике», а в стиле, который ученый сопоставил с одним из стилистических направлений западноевропейской поэ-

зии, овладевшим, по его словам, на рубеже XII–XIII веков поэзией русской и западной. Этот стиль — Якобсон называет его *ornatus difficilis* и *trobar clus* — зиждется на многоплановом символизме и изобилует сложной игрой тропов и фигур, совмещением несродных жанров, разнородностью языковых средств, сокровенными намеками и загадками. Гипотезу о стиле «Слова» подтверждает факт намеренного затемнения в нем смысла сказанного. Такое затемнение достигается фрагментарностью текста, неясностью границ между частями, скачкообразной краткостью рассказа («пунктирным повествованием»), бессоюзием или паратактическим строем языка и т. н. «биполярными синтаксическими конструкциями». Помимо этих композиционных и синтаксических приемов создания «темного» стиля автор «Слова» широко использует для затемнения смысла лексику и фразеологию, создавая авторские неологизмы, окказиональные фразеологизмы, используя семантические неологизмы, многозначную лексику, редкие и диалектные слова. «Загадочную темноту» придают «Слову» также усложненные тропы и фигуры: метонимии, метафоры, литературные и исторические аллюзии и др.

Ассоциативно связан с темой «темных» или «глухих» мест доклад С. А. Семячко (Санкт-Петербург) «Легенда о гамельнском крысолове в глуши карельских лесов». Предание о крысолове из города Гамельна имеет давнюю историю. Оно получило письменную фиксацию в немецких хрониках конца XIII века, а его «каноничный» сюжет сложился ко второй половине XVI. История обрела популярность лишь в начале XIX столетия, когда была помещена в сборники немецких легенд братьев Брентано и Гримм. С этими сборниками традиционно связывалось проникновение легенды в Россию. Однако теперь текст легенды обнаружен в рукописи 1694 года, происходящей с Важе озера и, вероятно, созданной в Задне-Никифоровской пустыни (ГИМ. Музейское собр. № 2846). В нем содержатся указания на то, что он прошел несколько этапов, прежде чем оказаться в сборнике Муз. 2846. Своим первоисточником легенда в этой рукописи имеет саксонскую хронику середины — третьей четверти XVI века. Потом она была включена в сочинение, возможно послание, некоего «Арнолда Френтаггия» (1580), вместе с которым была переведена на русский язык. Между начальным текстом и посланием Арнольда был период устного обращения легенды, когда дискутировался вопрос о ее правдоподобии и когда сюжет в той или иной степени мог трансформироваться. В процессе перевода также могли произойти изменения, если переводчик не в полной мере владел лексикой языка оригинала. В результате из легенды исчезла точная дата происхождения в Гамельне, а крысолов из флейтиста превратился в человека, играющего на тимпане. Эта версия сюжета, как кажется, уникальная, не получила дальнейшего развития, оказавшись на Важе

озере, в уединенном месте в глубине карельских лесов.

И. В. Федорова (Санкт-Петербург) в докладе «Паломнический сюжет в „Страшных видениях“ крестьянина Якова Ланшакова» продолжила наблюдения над текстом, издание которого осуществил в 2006 году Пигин. «Страшные видения», записанные со слов заводского крестьянина Нерчинского завода Якова Ланшакова в стенах Киево-Печерской лавры, повествуют о его болезни, видениях и обетном паломничестве в Иерусалим в 1850–1851 годах. Публикатор памятника Пигин рассматривал его как образец видения. Докладчица показала, что для произведения актуален и паломнический сюжет, реализованный двойкой — и как паломничество по русским святым местам, и как богомолье на Святую землю в «тонком сне» и наяву. В рассказе сибирского крестьянина этот сюжет прослеживается не только в последовательности описанных событий, но и на уровне образной системы, в темах и мотивах, традиционных для паломнического текста. Гармонизация жанров видения и паломнического рассказа в «Страшных видениях» Якова Ланшакова достигается благодаря «сюжетному параллелизму», при котором сначала событие показано автору в видениях, а затем аналогичный опыт он переживал в реальной жизни.

Доклад М. В. Рождественской (Санкт-Петербург) «Петербург-Ленинград. Два „текста“» был посвящен разным наименованиям Петербурга, который, как и Петрозаводск, связан с именем Петра Великого и также стал местом жизни и работы юбиляра. Материалом стали стихотворения о городе, включенные в антологию «Петербург-Петроград-Ленинград» (Л., 1975). Понятие «ленинградского текста» рассмотрено исследовательницей как продолжение и одновременно противопоставление «тексту» петербургскому. Присущие «петербургскому тексту» природные знаки сопровождаются знаками культурными, выстраивающими петербургскую мифологическую модель — конь, ладья (кораблик на шпилье Адмиралтейства), трубящий ангел, вводящий в петербург-

скую тему апокалиптический библейский мотив. Эта же модель свойственна не только «петербургскому» тексту, но трансформирована в тексте «ленинградском». Поэтические произведения демонстрируют, как на основе знакомых элементов «петербургского мифа» и «петербургского текста» (вода, воздух, демиург, камень и др.) создается новый советский миф о городе, включающий революционные и блокадные годы (город-воин, город-герой, город-памятник, город-книга и т. д.) — особый «ленинградский текст».

Конференция завершилась выступлением Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) «„Киими дарами духовными похвалит град наш Каргополь преподобного Александра?“: К истории певческого цикла Александру Ошевенскому». Житие и служба этому святому были составлены в 1567 году. В то время как Житие получило высокую оценку ученых, служба оказалась на периферии их внимания. Ее текст долгое время признавался неудовлетворительным, о чем сообщал еще чиновник Успенского собора XVII века. Бытовало в литературе и мнение об отсутствии официального почитания Александра Ошевенского вплоть до внесения его имени в печатные святцы 1646 года. Однако в состав наиболее полных стихирарей конца XVI и XVII века последовательно входит служба Александру Ошевенскому. Ее образцами и источниками стали службы двум русским святым: Варлааму Хутынскому (для стихир на литии) и Савве Освященному (для группы стихир на хвалитех). Заимствованные из этих служб фрагменты остались почти не тронуты, но все же адаптированы и частично переосмыслены. В рукописной традиции служба Александру Ошевенскому демонстрирует широкую вариативность песнопений, что предоставляет богатый материал для дальнейших исследований этого текста.

Видеозапись докладов (в двух частях) доступна на официальном YouTube-канале Пушкинского Дома.

© А. Б. Белова

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-260-264

## МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ В ЛИТЕРАТУРЕ: МОТИВАЦИЯ ОБНОВЛЕНИЯ»\*

10–11 октября 2022 года в Пушкинском Доме состоялась международная научная конференция «Переходные эпохи в литературе:

мотивация обновления», посвященная 85-летию со дня рождения академика А. М. Панченко. Конференция проходила в смешанном формате с параллельной онлайн-трансляцией и собрала интернациональный коллектив исследователей из России, Италии, Китая, Израиля. Со вступительным словом в день открытия

\* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00527, <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>, в ИРЛИ РАН.